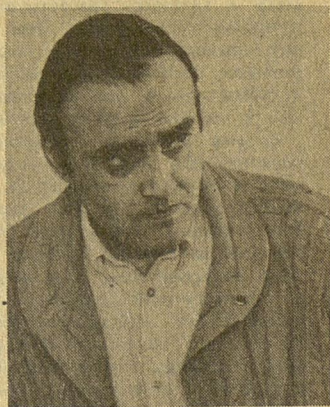

Я делаю скрипку...

Представить читателям Темура Нодаровича ЧХЕИДЗЕ — народного артиста Грузинской ССР, лауреата Ленинской премии, можно сразу в двух качествах — гостя и председателя жюри регионального фестиваля театров республик Средней Азии и Казахстана «Наурыз».

— Темур Нодарович, когда во время торжественного открытия фестиваля «Наурыз» было объявлено, что вы — председатель жюри, зрительный зал отреагировал мгновенно — аплодисменты были дружными и продолжительными.

Мы знаем вас прежде всего как исполнителя главной роли в многосерийном телевизионном фильме «Твой сын, земля», за которую вам присуждена Ленинская премия. Но ведь ваша театральная профессия — режиссер!

— Да, я 10 лет работал режиссером в театре имени Ш. Руставели, затем семь лет главным режиссером театра имени К. А. Марджанишвили. И, помимо нескольких ролей, сыгранных в ранней молодости, как актер больше нигде не выступал.

Я ушел с должности главного режиссера и работаю в своем театре очередным режиссером, чтобы всерьез заняться творчеством и ставить спектакли, не отвлекаясь на тысячи, может быть, важных, но не главных дел, — годы летят, а еще так много нужно успеть сделать.

— Уже много лет грузинский театр очень популярен не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В чем, на ваш взгляд, причины такого устойчивого успеха?

— В преемственности. У нас, режиссеров и актеров моего поколения, очень хорошая театральная школа. Когда пришла наша пора работать в театре, то нам, к счастью, ничего не пришлось ломать и переизобретать, с кем-то бороться, чтобы утвердить свои взгляды и свое понимание театрального искусства. И старшее поколение, и мы, и те, кто младше нас, — мы все единомышленники, у нас общие основы. И в

то же время все мы очень разные.

Зрители, которые любят спектакли Р. Стурца или М. Туманишвили, возможно, никогда не придут смотреть спектакли, поставленные мною. Точно так же и «мои» зрители могут не воспринимать постановок других. Но ведь это и замечательно. Представляете, какая была бы тоска, если бы мы работали одинаково?

— Известно, что грузинский театр — театр больших страстей, широких социальных обобщений, яркой романтической образности. Для многих зрителей грузинский театр — это прежде всего замечательные постановки шекспировских трагедий...

— В Грузии издавна самыми любимыми театральными жанрами были трагедия и буффонная комедия. То есть те жанры, в которых человек действует в самой экстремальной ситуации, независимо, трагическая она или комическая. А у Шекспира герои живут в таком психологическом напряжении, на грани душевных и физических сил. Видимо, этим и объясняется тяга грузинского театра к Шекспиру. И, возможно, поэтому у нас не ставят Чехова — слишком иной способ существования, другая «планета». Моя любовь к Чехову безмерна, но решиться на постановку пока не могу. Может быть, со временем что-то и получится.

— Ваш спектакль «Отелло» видели не только советские зрители. Независимо от страны и языка у вашего спектакля везде появлялись свои зрители и почитатели. Это наглядное доказательство интернациональной сущности театра. Как вы понимаете национальное и интернациональное в театральном искусстве?

— В театре имени Ш. Руставели я ставил драму Л. Толстого «Власть тьмы». Во время работы над спектаклем мы с актерами искали не внешние приемы, а общечеловеческие мотивы, одинаково важные и для русских, и для грузин.

Если в руках у режиссера хорошая драматургия, он всегда выявит общность различных национальностей и культур.

В 1982 году меня пригласили во МХАТ на постановку инсценировки повести грузинского писателя Михаила Джавахишвили «Обвал». Я работал с замечательными актерами

С. Любшиным и А. Петренко, Е. Васильевой. Их меньше всего заботила национальность их персонажей. Они извлекали из роли ее человеческую суть. Чего, к сожалению, не скажешь о многих других актерах из самых разных театров, для которых в любой грузинской пьесе на русском языке почему-то основной роли становится пресловутый «грузинский акцент».

— Ваши взаимоотношения с драматургами и драматургией?

— Грузинские писатели много и хорошо пишут прозаические произведения. Но насколько же наша драматургия беднее прозы! Поэтому я без конца занимаюсь инсценировками. Когда же работаю с драматургом, то прежде всего жду от него знаний законов театра, понимания сути внутреннего действия, без которого пьеса превращается в литературные диалоги.

Я никогда не меняю ни одного авторского слова, ничего за драматурга не дописываю, но оставляю за собой право на сокращение текста, перемонтировки каких-то сцен — ведь на то я и режиссер, чтобы найти сценическое решение пьесы.

— А как складываются ваши отношения с актерами?

— Первое в театре — это драматургия, второе — актер, а потом уже режиссер, но... без которого актер никак не может обойтись. Режиссер определяет линию поведения каждого героя, жанр спектакля и стиль игры.

— То есть актеры это те скрипки, на которых вы играете?

— Нет, правильнее сказать так: я делаю скрипку и даю актеру играть на ней.

— В 1989 году театральный эксперимент перестанет быть экспериментом и станет нормальной жизнью театров. Готов ли к этому ваш коллектив?

— Каждый рубль, заработанный сверх плана, остается теперь в театре. Мы сами регулируем цены на билеты и при условии перевыполнения финансового плана можем себе позволить задержку с выпуском нового спектакля, если чувствуем, что он еще рыхлый, не готов к сдаче.

Эксперимент помогает нам справляться с финансовыми трудностями, а в творческом отношении все без исключения грузинские театры — это своего рода баловни судьбы. В

республике театрам со стороны партийных и административных органов оказывается всесторонняя реальная поддержка. Нам доверяют полностью. У нас никогда не закрывают спектакли лишь потому, что кому-то что-то показалось не так, нам не диктуют, какие пьесы можно ставить, а какие нельзя.

Веселое удивление вызвал в Грузии недавний приказ о том, что председателем художественного совета должен быть главный режиссер. А как же иначе? У нас нет и не было ни одного театра, где председателем художественного совета был бы директор. Ведь в чем его конкретная задача как администратора? Обеспечить максимально спокойную жизнь главному режиссеру, который отвечает за художественный уровень театра, создать ему, театру, все условия для творчества. Помню, я начинал работать в периферийном театре и мне был 21 год, а моему директору — 45 лет. Но вопроса, кто из нас главнее, не возникало.

— Для Грузии театральные фестивали — дело не новое. Уже три раза Тбилиси принимал участников Всесоюзного фестиваля молодежных спектаклей. Вы сами — участник многих театральных и кинофестивалей. Что вы можете сказать как председатель жюри фестиваля «Наурыз»?

— Все фестивали разные, и каждый проходит по-своему. Но польза от них огромная. Деятели театра не должны работать, не зная друг друга. Чужие спектакли рожают какие-то новые, неожиданные идеи. Посмотрев других, начинаешь по-иному оценивать себя, свой театр.

При всей разнице социальной и национальной, характеров, психологии, темперамента у меня складывается ощущение, что театры всего мира — это одно большое единое государство. И особенно это чувствуется на фестивалях.

Очень сложная задача стоит перед жюри — ведь лучшим можно назвать лишь один спектакль. И его судьбу должен решать не престиж республики или чей-то авторитет, а художественные качества спектакля. Фестиваль имеет смысл проводить только при соблюдении этого условия.

Интервью вела
Л. ГРОМОВА.